

«За конспирацию, товарищ фельдмаршал ...» – "Wegen der Konspiration, Genosse Feldmarschall"

«Месье, же не манж па сис жур. Гебен мир зи битте этвас копек ауф дем штюк брод». – "Monsieur, je ne mange pass ix jours. Geben Sie mir bitte etwas Koppek auf dem Stück Brot". Сохранение ошибок создает юмористический эффект.

А вот перевод следующей фразы в этой тираде:

«Подайте что-нибудь бывшему депутату Государственной думы» можно считать переводом-изложением: "Eine milde Gnade für ein früheres Mitglied der Reichsduma".

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1) тексты с юмористическим эффектом представляют собой значительную переводческую проблему;

2) сложность решения переводческой задачи во многом зависит от различных факторов, в том числе от лингвистического уровня, на котором строится юмор;

3) в большинстве случаев для переводчика есть только один способ передачи юмора – не переводить дословно, а создавать собственный каламбур, т.е., другими словами, придумать свою шутку, используя те же средства, что и автор оригинала, при этом как можно ближе по значению к оригиналу и с учетом контекста.

Литература

1. Ильф, И. Двенадцать стульев / И. Ильф, Е. Петров. – М., 1999.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – URL: <http://www.ozhegov.org/words/40915.shtml>
3. Словарь литературоведческих терминов. – URL: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/yumor/>
4. Илф, И. Zwölf Stühle / I. Ilf, E. Petrov. – Berlin, 1978.
5. <http://expat.su/germany/tag/nemetskiy-mentalitet/>
6. <http://foren.germany.ru/arch/lepro/f/178471.html>
7. http://icite.ru/134419/citaty/vulf_virdzhiniya/yumor

УДК 81'23

А.А. Ривлина

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВОГО РУССКО-АНГЛИЙСКОГО БИЛИНГВИЗМА

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.*

В статье рассматривается вопрос о необходимости уточнения и дальнейшего развития понятий и терминов теории языкового контакта в свете глобализации английского языка. В частности, понятие «массового билингвизма» исследуется на материале взаимодействия современного русского языка с английским с привлечением подходов, выработанных в рамках нового направления социолингвистики, социолингвистической теории глобализации.

Глобализация, языковой контакт, билингвизм, массовый/коллективный/социальный билингвизм.

The article deals with the challenge of rethinking some of the basic concepts of language contact theory in the light of the English language globalization. The notion of "mass bilingualism" is investigated on the basis of modern Russian-English interaction, drawing on the approaches developed within the framework of the new field of sociolinguistics, the sociolinguistics of globalization.

Globalization, language contact, bilingualism, mass/societal bilingualism.

Термин «глобализация» сегодня стал одним из наиболее часто используемых в описании различных сторон современного этапа социально-исторического развития, в том числе, процессов языковой глобализации, т.е. распространения английского языка во всемирном масштабе. Однако, несмотря на огромное количество публикаций, посвященных данной теме (см. обзор в [6]), некоторые ученые сомневаются в необходимости специального теоретического осмысления глобализационных процессов. Они считают, что «ни экономическая глобализация, ни распространение языка не являются чем-то новым в истории человечества» [18, с. 31] и что понятия и термины, выработанные в рамках многолетнего изучения языковых контактов, вполне приложимы к описанию

современной глобализации английского языка. Противоположной точки зрения придерживаются исследователи, работающие над созданием специальной социолингвистической теории глобализации. По их мнению, термин «глобализация» отражает новые социолингвистические реалии, которые влекут парадигматический сдвиг в трактовке современного состояния языка и необходимость пересмотра и уточнения многих устоявшихся лингвистических понятий и разработки новых [11, с. 1 – 6].

В настоящей статье мы остановимся на тех подходах и понятиях социолингвистической теории глобализации, которые, на наш взгляд, позволяют по-новому взглянуть на русско-английское двуязычие в свете глобализации английского языка и сделать вы-

вод о формировании в современной России массового (коллективного, социального) русско-английского билингвизма.

Традиционно в типологии билингвизма по социологическим основаниям разграничивают индивидуальный, групповой и массовый билингвизм в зависимости от того, идет ли речь об употреблении двух языков отдельным индивидуумом, группой лиц внутри некоего сообщества, или сообществом в целом в пределах, чаще всего, государства. Языковая глобализация, понимаемая как выход английского языка за границы отдельных государств на транснациональный уровень, пока не нашла своего толкования в данной типологии, но в отдельных публикациях можно обнаружить попытки рассмотреть понятия глобализации и билингвизма во взаимосвязи. Например, В.В. Кабакчи пишет о всеобщей «билингванглизации», которую он определяет как процесс формирования в разных странах мира под воздействием «глобанглизации» «англо-местного билингвизма», то есть билингвизма по модели «английский язык плюс местный язык» [4, с. 92].

Предположительно, в связи с глобализацией английского языка сегодня можно говорить о возникновении нового типа билингвизма, «глобального билингвизма». Его соотношение с массовым и индивидуальным билингвизмом можно охарактеризовать так же, как соотношение собственно массового билингвизма с индивидуальным. Массовый билингвизм проявляется через индивидуальный билингвизм членов сообщества, но эта взаимосвязь не является жестко детерминированной и массовое многоязычие не предполагает обязательного индивидуального многоязычия каждого из членов сообщества [2, с. 303]. Точно так же глобальный билингвизм проявляется через массовый «местно-английский» билингвизм в разных странах и через речевую практику конкретных индивидуумов, но это не означает обязательного поголовного билингвизма всего населения планеты. Тем не менее, под влиянием глобализации количество людей, понимающих английский язык и использующих его в своей речи в той или иной форме, увеличивается.

Отметим те черты, которые, по нашему мнению, характеризуют «глобальный билингвизм» как особый тип билингвизма, возникающий в результате глобализации английского языка. Прежде всего, глобальный билингвизм формируется не столько через непосредственный контакт представителей некоторого сообщества с носителями английского языка, сколько через отдельные сферы жизни данного сообщества, подвергающиеся экономической, технической и культурной глобализации. В современной социолингвистике эти сферы широко описываются на материале разных стран: это сферы бизнеса, рекламы, средств массовой информации и новых информационных коммуникаций, «лингвистического ландшафта», под которым понимается видимое присутствие разных языков, включая английский, в городских текстах и надписях, поп-культуры и другие (см., например, отдельные главы в [22]). Исследова-

ния, ориентированные на определенные сферы глобализации, особенно показательны с точки зрения развития новых подходов к рассмотрению языковых контактов. Новизна заключается, в частности, в переосмыслении билингвизма и многоязычия не в терминах лингвистической компетенции индивидуумов, а в терминах того, как социальная обстановка и социальное окружение структурно отражают и обуславливают языковой выбор [17, с. 197]. Другими словами, в рассмотрении глобального билингвизма исследование чаще идет не в традиционном направлении от вычленения некой группы билингвов к последующему анализу их речевой практики, а в обратном направлении: билингвальная речевая практика, проявляемая, прежде всего, через широкое распространение кодового переключения, рассматривается как диагностический показатель билингвизма данного сообщества.

Еще одно важное изменение в рассмотрении языковых контактов связано с положением теории лингвистической глобализации о том, что язык не подвергается глобализации целиком, но глобальное распространение в отдельных сферах получают отдельные языковые формы, жанры, стили и т.д. [11, с. 20]. Именно поэтому в исследовании глобализации фокус смещается с «языков» и «языковых вариантов» на коммуникативные «ресурсы» и речевой «репертуар» носителей языка. Я. Бломмаерт подчеркивает, что социолингвистика глобализации – это не «социолингвистика языков», а «социолингвистика ресурсов» [11, с. 21]. Формирующийся новый подход к исследованию многоязычия исследователи данного направления определяют как «пост-вариативный» [21] и «ресурсо-ориентированный» [17, с. 198]. При таком подходе усвоение дополнительного языка предстает в виде сложного, не-линейного процесса формирования дополнительных иноязычных ресурсов в общем репертуаре коммуникативных средств говорящих как в результате целенаправленного изучения в учебных условиях, так и в результате «схватывания» (acquisition) в различных неформальных сферах, иногда даже на уровне отдельных слов или простого узнавания [13]. Всеобъемлющий подход к анализу языковых ресурсов допускает возможность ограниченного, «усеченного» знания языка и, соответственно, «усеченного многоязычия» (“truncated multilingualism”) [11, с. 8 – 9]. Это перекликается с отказом в современной билингвологии от идеалистического понимания билингвизма как владения двумя языками в одинаковой степени или даже, в свете процессов глобализации, как умения строить коммуникативно правильные высказывания на иностранном языке. Билингвизм по-прежнему определяется как использование дополнительного языка для успешной коммуникации, но с учетом того, что общение может происходить не только на иностранном языке, например, с носителями языка или в ситуации международного общения, но и с другими билингвами внутри данного сообщества в форме смешанной речи. При этом по степени владения вторым языком билингвизм предстает в виде шкалы уровней от «ми-

нимального», «начального» и «пассивного» до «максимального» и «активного» [3, с. 41 – 42]. Таким образом, «ресурсо-ориентированный» подход к билингвизму позволяет исследовать то, как «люди во всем мире смешивают английский язык с местными языками, не умея при этом вести беседу на английском языке» [12, с. 3].

При описании глобального билингвизма также необходимо учитывать разграничение коммуникативной и символической функций языка, важное для исследования билингвизма в целом [14, с. 23]. На межнациональном уровне английский язык как второй компонент местно-английского билингвизма, в первую очередь, выполняет функцию средства межнационального общения, *lingua franca*, а на внутринациональном уровне, в отличие от типичных контекстов массового билингвизма, он почти не используется членами данного сообщества для коммуникации, но входит в их коммуникативный репертуар как языковой ресурс для выполнения дополнительных функций. Для характеристики местно-английского билингвизма на внутринациональном уровне применим редко используемый в теории билингвизма термин «лингвистический билингвизм» [8, с. 105], т.е. билингвизм, один из языков-компонентов которого не выполняет существенной коммуникативной роли в данном языковом коллективе. В перечень дополнительных функций, связываемых с глобализацией английского языка и подробно описываемых в специальной литературе (например, в [10]), входят, в первую очередь, чисто «технические» и «косметические» функции [10, с. 594]: такие как экономия языковых усилий на перевод, повышение узнаваемости, привлечение дополнительного внимания, усиление запоминаемости за счет «инаковости» на фоне местного языка; кроме того, английский язык выполняет социально-прагматические функции, к которым относится уже упоминавшаяся широкая символическая функция (английский язык выступает как символ глобализации и интернационализации) и более конкретные прагматические функции, такие как: функция социальной солидарности и социального дистанцирования, декоративная функция, поэтическая / речетворческая функция, функция «эвфемизации» и мн. др. Даже если в силу ограниченного знания английского языка информативный / денотативный смысл сообщения, содержащего английский язык, оказывается недоступным для понимания отдельными представителями неанглоязычного сообщества, дополнительный символический смысл, как правило, воспринимается практически всеми хотя бы на уровне узнавания и зачастую оказывается достаточным для того, чтобы английский язык использовался в разных странах мира.

В социолингвистической теории глобализации также отмечают существенные изменения в трактовке понятий «языкового сообщества» и «языковой идентичности». Оба эти понятия в свете процессов глобализации теряют жесткую детерминированную связь с понятиями национальности и национального языка. Например, в последние годы было сформули-

ровано представление о транснациональных типах сообществ, так называемых «практических сообществах» (“communities of practice”) [16, с. 7 – 9], в которых индивидуумы, проживающие в разных частях мира, объединяются неким общим видом деятельности, в частности, в сети Интернет, и используют для общения английский язык. Сегодня люди зачастую овладевают не английским языком вообще, а английским языком определенного «практического сообщества» [16, с. 5]. В результате меняется и языковой аспект идентичности. Как пишет Е.С. Гриценко, «английский язык (пусть и в весьма усеченном его варианте) уже не является Чужим. Это часть Своего – неотъемлемый элемент конструирования идентичности и стиля» [1, с. 147]. Национальная идентичность при этом не утрачивается, но общая структура идентичности становится более сложной, более многослойной, включающей как локальные, так и глобальные, транснациональные параметры.

Особую значимость исследование глобального билингвизма приобретает в странах так называемого «расширяющегося круга» английского языка, т.е. в странах, в которых английский язык не является официальным, институализированным, но признан в качестве языка международного общения и основного иностранного языка, изучаемого в образовательных учреждениях (подробнее о «теории трех (концентрических) кругов английского языка» см. [3, с. 414 – 415]). Россия входит в «расширяющийся круг» «пользователей» английского языка, и в последние десятилетия все более очевидной становится усиливающаяся англоизация русскоязычного дискурса. В связи с этим актуальным становится вопрос о современном состоянии русско-английского билингвизма. Русско-английский билингвизм хорошо изучен в «классических» контекстах, например, в речи студентов, изучающих английский язык [9].

Однако сегодня двуязычная коммуникация в виде русско-английского кодового переключения и смешения все чаще привлекает внимание исследователей в сферах, которые не связаны с целенаправленным изучением и профессиональным знанием языка и которые предназначены для массовой публики, для «наивного», среднестатистического носителя русского языка. К таким сферам относятся, например, сферы рекламы, средств массовой коммуникации, популярной культуры, лингвистического ландшафта современного российского города. В подавляющем большинстве случаев в этих сферах мы сегодня имеем дело не с привнесением англоязычных языковых единиц и текстов извне (хотя это тоже имеет место), а с творческим использованием английского языка в смешении с единицами русского языка самими носителями русского языка. Наиболее заметна так называемая «людическая», игровая функция русско-английского смешения и переключения, например, в создании билингвальных русско-английских каламбуров, как в названии магазина *BiGOODdu*, лексической гибридизации и графогибридизации, как в названии ресторанов *The Cad* и *Ваниль*, игровой транслитерации, как в названии ка-

раоке-клуба *Isterika!* [20].

И для создания, и для восприятия такой межъязыковой игры вполне достаточно минимальных знаний английского языка, на уровне школьной программы, а порой даже просто навыков практической русско-английской транслитерации, которые развиваются, в частности, в процесс использования латинской клавиатуры в ситуациях электронной коммуникации. Сегодня можно с уверенностью говорить о массовом распространении в России такого «минимального» типа билингвизма как «бискрипталлизм», «диграфия» или «графический билингвизм» [8, с. 49, 60], поскольку практически все знакомы и с кириллическим, и с латинским алфавитом, что создает условия для возникновения совершенно новых тенденций, усиливающих англизацию русскоязычного дискурса.

Например, отметим связанную с глобализацией тенденцию к восстановлению или «реставрации» утраченных межъязыковых связей давних, устоявшихся заимствований из английского языка, интернациональных слов и когнатов [6], которая включает в себя так называемую «обратную транслитерацию» подобной лексики с кириллицы на латиницу, типа *бар – bar*. Кроме того, многие недавние заимствования из английского языка сегодня не утрачивают своих исходных форм, а используются в русскоязычном дискурсе как своеобразные «межъязыковые варианты» то в виде англоязычных вкраплений / кодовых переключений, то в виде транскрипции / транслитерации (часто с игровыми коннотациями), то в виде переводных вариантов, типа *VIP – ВИП – импортант персон – «очень важная персона»* [19]. Эти тенденции характеризуют носителей русского языка как билингвов, способных в зависимости от условий и целей коммуникации переключаться из «монолингвального языкового режима, состояния» (“monolingual language mode”) в «билингвальный режим» (“bilingual language mode”) [15], передавая и воспринимая, таким образом, дополнительные смыслы и оттенки значений. Подчеркнем еще раз, что на массовом уровне сегодня речь идет об «усеченном», «минимальном» русско-английском билингвизме, ограниченном порой только графическим аспектом, однако, по мере усиления глобализации английского языка, несомненно, усиливается и билингвальная компетенция обычных, среднестатистических носителей русского языка [7].

В заключение необходимо упомянуть, что в российском обществе и в российской лингвистике часто выражается озабоченность по поводу «засилья» английского языка и возможной утраты национальной языковой идентичности. С точки зрения социолингвистической теории глобализации, такие настроения трактуются как отражение первоначальных, достаточно упрощенных представлений о глобализации как о процессе всемирной унификации по американской модели и об английском языке как о «языке-колонизаторе». Основной задачей лингвистов сегодня становится более глубокое изучение глобализационных языковых процессов, включая постепенное

формирование глобального билингвизма, который проявляется через массовый местно-английский билингвизм в разных странах мира, в частности – массовый русско-английский билингвизм в современной России.

Литература

1. Гриценко, Е.С. Идеология, идентичность, стиль: глобальное и локальное / Е.С. Гриценко // Полифония большого города. – М., 2012. – С. 141 – 149.
2. Зограф, Г.А. Многоязычие / Г.А. Зограф // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 303.
3. Жукова, И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. – М., 2013.
4. Кабакчи, В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация / В.В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб., 2009. – С. 78 – 97.
5. Кирилина, А.В. Глобализация в аспекте лингвистики / А.В. Кирилина, Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1 (15). – С. 8 – 37.
6. Ривлина, А.А. О «реставрации» и «нивелировании» заимствований в процессе языковой интернационализации / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск. – 2010. – № 2 (26). – С. 11 – 15.
7. Ривлина, А.А. О некоторых особенностях и лингвистических проблемах процесса формирования массового русско-английского билингвизма / А.А. Ривлина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск. – 2013. – № 1 (37). – С. 61 – 66.
8. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В.Ю. Михальченко. – М., 2006.
9. Чиршева, Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 6. – Воронеж, 2008. – С. 63 – 79.
10. Bhatia, T.K. Bilingualism and Multilingualism in the Global Media and Advertising / T.K. Bhatia, W.C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism / ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. – Malden, Oxford, and Chichester, 2013. – P. 565 – 623.
11. Blommaert, J. The Sociolinguistics of Globalization / J. Blommaert. – Cambridge ; N.Y., 2010.
12. Blommaert, J. Language and the Study of Diversity / J. Blommaert // Tilburg Papers in Culture Studies. Paper 74. – 2013. – URL: <http://tilburguniversity.academia.edu/JanBlommaert>
13. Blommaert, J. Superdiverse Repertoires and the Individual / J. Blommaert, A. Backus // Multilingualism and Multimodality: Current Challenges for Educational Studies / ed. by I. de Saint-Georges, J.-J. Weber. – Rotterdam, Boston, and Taipei, 2013. – P. 11 – 32.
14. Edwards, J. Bilingualism and Multilingualism: Some Central Concepts / J. Edwards // The Handbook of Bilingualism and Multilingualism / ed. by T.K. Bhatia, W.C. Ritchie. – Malden, Oxford, and Chichester, 2013. – P. 5 – 25.
15. Grosjean, F. The Bilingual's Language Modes / F. Grosjean // One Mind, Two Languages: Bilingual Language Processing / ed. by J.L. Nicol. – Oxford, 2001. – P. 1 – 22.
16. Higgins, C. The Formation of L2 Selves in a Globalizing World / C. Higgins // Identity Formation in Globalizing Contexts / ed. by C. Higgins. – Berlin, 2011. – P. 1 – 18.
17. Mahootian, S. Repertoires and Resources: Accounts for Code-mixing in the Media / S. Mahootian // Language Mixing

and Code-switching in Writing / ed. by M. Sebba, S. Mahootian, C. Jonsson. – N.Y. ; Oxon, 2012. – P. 255 – 272.

18. Mufwene, S.S. Globalization, Global English and World English(es): Myths and Facts / S.S. Mufwene // The Handbook of Language and Globalization / ed. by N. Coupland. – Malden ; Oxford and Chichester, 2010. – P. 31 – 55.

19. Rivlina, A.A. Englishization of Russian and Bilingual Lexical Variation / A.A. Rivlina // Higher School of Econom-

ics Research Paper No. WP BRP 05/LNG/2013. – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2372023

20. Rivlina, A.A. Bilingual Creativity in Russia: English-Russian Language Play / A.A. Rivlina // World Englishes. – 2014 (forthcoming).

21. Seargeant, P. English on the Internet and a 'Post-varieties' Approach to Language / P. Seargeant, C. Tagg. // World Englishes. – 2011. – № 4 (30). – P. 496 – 514.

22. The Handbook of Language and Globalization / ed. by N. Coupland. – Malden ; Oxford and Chichester, 2010.

УДК 572

М.А. Серегина

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НЕМЕЦКОГО НАРОДА В АСПЕКТЕ ИХ ПОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ

В данной статье предпринят лингвистический анализ стереотипных представлений немецкого народа об объектах / явлениях окружающей действительности и о поведении в разных жизненных ситуациях. Их признаки описываются методом полевого структурирования и подразделяются на категориальные, отличительные и дополнительно-уточняющие. Понятийные поля стереотипных представлений носят номинативный или номинативно-вербальный характер с разнообразными лексико-семантическими связями.

Немецкие паремии, стереотипные представления народа, метод полевого структурирования.

The article presents the linguistic analysis of the German people's stereotype ideas. These stereotype presentations are connected with objects/phenomenon of the surroundings and with the peoples's behavior in different life situations. Their characteristics are described with the method of the field structuring and subdivided into categorical, distinctive and supplementary features. The conceptual fields of the stereotype presentations have got the nominative or the nominative-verbal character with different lexical-semantic relations.

German paroimias, people's stereotype presentations, method of field structure.

Паремиологическая картина мира является составной частью языковой картины мира, в которой вербализованы стереотипы народа [1], [3], [6] и др. Под стереотипами понимаются коллективно детерминированные представления народа об объектах / явлениях окружающей действительности и типовые схемы действий в разных ситуациях жизнедеятельности [7].

Реализация паремий, пословиц и поговорок в речевом общении с целью экспликации стереотипных представлений происходит благодаря их стереотипным свойствам и семиотическим функциям. К стереотипным свойствам паремий относятся: наследственный характер функционирования, обобщенность и оценочность значений, национально-культурная принадлежность, устойчивость, повторяемость. В рамках семиотических функций паремии являются с точки зрения семантики адекватным отражением объективной реальности в типичных коммуникативных ситуациях [5, с. 173 – 174]. С точки зрения синтаксиса они являются готовыми речевыми формулами. В аспекте прагматики паремии оказывают воздействие на участников коммуникативной ситуации и изменяют их мнения, представления, поведение в свою пользу [4, с. 17].

Анализ лексико-семантической структуры немецких паремий позволяет выявить и классифицировать пять стереотипных представлений народа, кото-

рые имеют следующее содержание:

1) **акциональные стереотипные представления** относятся к какому-либо виду действия (трудовая, интеллектуальная, речевая деятельность), которое связано с целесообразным изменением и преобразованием окружающей действительности *Arbeit macht das Leben süß; Ohne Denken und Sinnen muß man nichts beginnen; Lernen macht Meister; Wer viel redet, erfährt wenig;*

2) **социальные стереотипные представления** представляют особенности взаимоотношений людей в разных социальных группах (разновозрастные, межсоциальные, семейные отношения и др.) *Wenn die Reichen bauen, haben die Armen zu tun; Die Alten zum Rat, die Jungen zur Tat; Der Mann findet leicht wieder eine Frau, die Kinder nie wieder eine Mutter;*

3) **духовно-нравственные стереотипные представления** отражают моральные отношения в обществе, которые связаны с нравственно-положительными (добро) и предосудительными (зло) поступками и мотивами людей в явлениях окружающей действительности *Besser einmal gut als zweimal schlecht; Wohltun trägt Zinsen; Schlechte Beispiele verderben gute Sitten;*

4) **натуралистические стереотипные представления** дают типичное представление народа о физиологических особенностях человека и окружающем его мире *Eine Schwalbe macht noch keinen*